

„Горь от ума“ 1928 г.

„Смерть Тарелкина“ 1927 г.

„Нашествие Наполеона“ 1931 г.

Засл. артист Б. А. Горин-Горинио

А. БАРТОШЕВИЧ

ПО ДОРОГАМ СОВЕТ

Первое столетие театр закончил решительным разрывом с одной из традиций, оставшихся ему в наследство от его императорского прошлого и до тех пор не преодоленной. Императорские театры с четкой целевой установкой их работы обслуживали очень определенных слоев столичного зрителя, с их кинофильмы-бюрократическим аппаратом, заинтересованным больше в выполнении формальностей, чем существом дела, отягались полнейшей некомпетентностью. Города обменивались своими лучшими театральными силами, передовые, возникшие после революции, театры вывозились за границу, доезжая в отдельных случаях даже до экзотических столиц Южной Америки, и работу их вне места их постоянной работы оценивали на основе практического знакомства с ними, в громадные сложные организмы, несущие в себе театральную культуру, имеющие возможность показать формы использования этой культуры в целях капиталистического строительства и процесс кристаллизации в ней, под влиянием советской действительности, элементов зарождающейся пролетарской культуры, вне прежних столиц бывая известны только по наслышке, по статьям и книгам пытливых туристов, зачастую приезжавших специально для того, чтобы ознакомиться с их работой.

В таком положении, разумеется, помимо всего прочего, была большая доля спешки. Отсутствие в течение долгого времени сколько-нибудь серьезной конкуренции, хотя бы уже в силу экономической мощности, художественный состав, объединявший в себе все лучшие артистические силы, обеспечивали этим театрам достаточное положение и при такой неподвижности. Являясь одним из установлений правящего режима, они, готовые были видеть уменьшение собственного достоинства в каком-либо шаге, сделанном вступив зрителем на территорию их территории, движения и коды вопроса не решали.

После революции положение не изменилось. Если не считать выездов в Москву—б. Александринского Театра с „Маскарадом“ и б. Михайловского—с „Желтой кофты“ (оба в 1926 году), не считая себя, продолжения и не оставивших в творческих и организационных вопросах дальнейшей работы театров никаких следов, ни один из бывших императорских театров с места не трогался. Летние гастроли асимбиоз меньше всего давали представления о работе театра в целом. О его творческом лице и устремлениях. В лучшем случае они несли репертуар театра, однако в обмеленной, „летней“ arran-

жировке, без декораций, в случайном ансамбле, с едва ощутимыми остатками режиссерского замысла. В худшем ставились пьесы, успешно прошедшие на стационаре, и сценический их транзит приспособлялся к передвижным театральным и другим особенностям главного гастролирующего и его точки зрения на театральные запросы провинции. Чаще же всего шли пьесы, ничего общего с репертуаром театра не имеющие.

Следовательно, кроме громадного культурного значения, которое имеет такой обмен творчески-театральными опытами на города, испытывающие на себе воздействие крупных художественных организаций,—значения совершенно очевидного, на котором оставалось было бы бессмысленно,—этот выезд нужен самому театру, помогающий закрепить его успехи, расширяя сферу влияния и, тем самым, налагающая на него большие обязательства и, главное, формируя мировоззрение актера, являющегося основным элементом театра и определяющего собой его художественно-идеологический курс.

После революции, переделав значение, которое имели поездки на периферию для Ленинградского Государственного Театра Драмы, необходимо учесть ту обстановку, которая предшествовала им, тот этап развития театра как творческого организма, на котором он находился и выходил.

Поездки театра по СССР, выезды его в колхозы и цеха фабрик и заводов сыграли огромную роль. Выходя из сферы привычных точек зрения и интересов, сталкиваясь лицом к лицу с различными моментами жизни страны, не только наблюдая, но и специфическими методами театра участвуя в социалистической стройке, работники театра обогащали свой опыт, который невольно находил себе применение и в повседневном театральном быту, и в производстве. Рост их резко ощущался в поездках, когда, с одной стороны, повышалась ответственность каждого их участника не только за творческую работу, но и за политические задания, когда мало было только хотеть, но надо было и мочь, и с другой,—когда дорожная обстановка обмывала актеров, ставила их под зоркий контроль, увеличивала общественное воздействие, распространяя его на все стороны быта.

Выездная работа театра — это ответственная политическая задача.

11 марта 1930 года на Ленинградском первом бригаде Госдрамы эта работа в колхозе Гусевского района. Обострение классовых борьбы в деревне, наличие целого ряда злоупотреблений и перегибов, полнее

СКОГО СОЮЗА

отсутствия какого бы то ни было опыта на художественной работе в настоящих условиях, неопределенности той обстановки, в которой бригаде придется осуществлять свою работу,—все это придало поездке особое значение. Не было уверенности в том, как на месте встретят бригаду, как отнесутся к сути и формам ее художественной агитации, в достаточной ли мере поймут ее, окажется ли бригада на высоте положения, справится ли с возложенными на нее задачами. Казалось, что едут далеко и надолго, участники поездки в глазах остающихся выглядели героями, идущими на неизвестный подвиг.

Будни театра с его привычными для всех спектаклями, художественными боями (только что прошла „Простя“, в процессе работы был собою выдерживая ошеломленные нападки с самых разнообразных сторон), возмущения по поводу предстоящих премьер, бытом кулис—отсутствия на задний план. Во всем этом было много мери, много волнения, навывала романтики и лиризма. В газетах ежедневно мелькали сообщения о террористических актах кулаков, об убийствах сельхозов, сельсоветчиков, деревенских активистов. Люди ехали на фронт и охали вдоволь, не имея за своей спиной какого-либо опыта в области той работы, которую им предстояло делать. Не было организации, которая могла заранее сказать, что ждет бригаду в деревне, что с нее спросят, к чему надо готовиться.

Бригада Госдрамы в колхозе делает стенгазету

Нар. арт. Е. П. Норчагина-Александровская и Н. Вильямс в поездке

На вокзал провожали всем театром, с оркестром музыки, с азонагами, писем от уехавших ждали с нетерпением и тревогой. Но даже телеграфную связь удавалось поддерживать далеко не всегда, потому что бригада на лошадей ездила по глухим дорогам, далеко отстоящим от железной дороги, но и почтовых станций, да и самый миршуг ее часто был неизвестен.

Действительно условия работы бригады были „фронтными“. С одной стороны, неприспособленность ее как по организационной линии, так и в области художественной работы, с другой — острота политической ситуации (пробывание бригады в деревне совпало с появлением писем

т. Сталина „Головокружение от успехов“ и пересмотром поведения местных органов власти по отношению к колхозам и методам их организации) потребовало со стороны бригады большой гибкости, большого политического такта и чутья, умения ориентироваться и своевременно незамысловато ей обстановке.

Спектакли шли в неприспособленных помещениях, которые надо было оборудовать самим, проявляя максимум изобретательности, „выкручиваясь“ с тем, что было ватно с собой. Аудитория и восприятие спектаклей были настолько необычны, что требовали особых форм подачи, которые надо было находить тут же.

Вот как описывает один из этих спектаклей Н. С. Раменская, ведущая дневник бригады: „Вечером играли на туеме. Нас не ждали — РИК не известил. Холодно страшно, как на ушине. Метель, невеселая. Продукт нехорош. Настел, затянули содой шели, но ничего не помогало. Слушают внимательно. Часто переговариваются с итрациями. Ребята сидят совсем близко. Во время действия я их переживала. Прерывала диалог, переносила и дальше.“

Зрители обычно не бывали, играли просто на полу. Зрители разместились „амфиатром“—первые ряды сидели на полах, за ними стояли на коленях, а самые задние громоздились на смятых чуть не под самым потолком.

Тем не менее спектакли воспринимались очень горячо. Пьеса („Красный сем“) примитивно рассказывала о той борьбе, очевидным и участниками которой были крестьяне, схематично показывая классовое расхождение в деревне и ту борьбу, которая велась вокруг нарождающихся колхозов.